

13. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Эксмо-Пресс, 1999.
14. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во МГУ, 1971.
15. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
16. *Лурия А.Р.* Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций // Проблемы современной психологии / Под ред. К.Н. Корнилова. М.: Наука, 1928. Т. 3. С. 46–52.
17. *Майер Г.* Эмоциональное мышление // Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 123–130.
18. Нестандартизованные психодиагностические методики исследования мышления – обеспечение сопоставимости и надежности данных: Методич. пособ. СПб.: СПб. психоневрологический ин-т им. В.М. Бехтерева, 1995.
19. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
20. Русское народное поэтическое творчество / Под ред. Н.И. Кравцова М.: Просвещение, 1971.
21. *Тихомиров О.К.* Психология мышления. М.: Изд-во МГУ, 1984.
22. *Ульбина Е.В.* Личность и чужое слово: Индивидуальное и массовое сознание в психоаналитическом контексте. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1997.
23. *Фрейд З.* Забывание иностранных слов // Хрестоматия по общей психологии: Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 103–119.
24. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
25. *Jansz J.* Social motives under negotiations // H. Stams, L. Mos, W. Thorngate, B. Kaplan (eds). / Recent trends in theoretical psychology. N.Y.: Springer, 1993. V. III. P. 211–217.
26. *Weisskopf-Joelson E.* Meaning as integrating factor // C. Buhler, F. Massarik (eds). The course of human life: A study of goals in the humanistic perspective. N.Y.: Springer, 1968. P. 359–363.

Поступила в редакцию 1.И 2010 г.

НЕНАВИСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. БРЕСЛАВ

Развитие научной психологии неизбежно ведет к тому, что все новые сферы важнейших человеческих отношений и чувств становятся объектом научного познания. До недавнего времени тематика негативных отношений и установок в психологии ограничивалась исследованиями гнева, враждебности и агрессии, а также исследованием предрассудков и социальной дискриминации. По-видимому, пришло время «открыть» тематику такого важного чувства в жизни людей, как ненависть, последствия которой могут представлять значительную опасность для человеческого сообщества. И начальные шаги в этом направлении уже сделаны. В 2001 г. стал издаваться первый междисциплинарный журнал по ненависти *Journal of Hate Studies* в университете Гонзага (США). В 2005 г. вышел первый сборник статей по психологии ненависти [63]. А в 2008 г. в Тарту на 14-й Европейской конференции по психологии личности состоялся первый симпозиум по психологии любви и ненависти. На нем обсуждались уже не только теоретические представления о природе ненависти, построенные на эмпирической базе смежных областей психологии и социологии, но и первые эмпирические исследования ненависти ([17], [19], [52], [66]), в частности, была представлена разработка шкалы ненависти, оригинальная версия которой была создана именно на русском языке в Латвии и России [17].

Ключевые слова: ненависть, предрассудки, агрессия, враждебность, гнев, любовь.

К ПОНИМАНИЮ НЕНАВИСТИ

Конечно, такое сильное, социально важное и устойчивое чувство, как ненависть, не могло остаться незамеченным для фи-

лософов и социальных мыслителей прошлого. Все великие философы, от Эмпедокла и Аристотеля до Б. Спинозы и И. Канта, размышляли о ее природе и действии. Например, Б. Спиноза писал: «...лю-

бовь есть не что иное, как удовольствие (радость), сопровождаемое идеей внешней причины, а ненависть — не что иное, как неудовольствие (печаль), сопровождаемое идеей внешней причины. Далее, мы видим, что тот кто любит, необходимо стремится иметь любимый предмет налицо и сохранять его; и наоборот — тот, кто ненавидит, стремится удалить и уничтожить предмет своей ненависти» [4; 467–468].

Удивительно, однако, что психология, провозгласившая свой приоритет в изучении душевных явлений, так долго «уклонялась» от изучения явления, столь важного для жизни каждого человека и всего общества. Это тем более странно, что термин «преступления на почве ненависти» или просто «преступления ненависти» [3] существует в обиходе целого ряда социальных областей и дисциплин уже давно и обозначает совершение насилия по отношению к людям лишь на основании их принадлежности к ненавидимой группе [40].

При этом нельзя сказать, что ненависть игнорировалась в такой около-научной области клинической психологии, как психоанализ [15], [35], [36], [48], [72]. Однако общие установки психоанализа по отказу от эмпирических исследований остались неизменными со времен З. Фрейда, и некоторые тонкие наблюдения его представителей «тонут» в массе весьма произвольных теоретических построений, что, впрочем, происходит не только с представителями психоанализа.

В недавно изданной книге по психологии ненависти можно найти как весьма общие определения ненависти — «ответ на угрозу свободе, жизни и ценностям» или «сложный аффективный конструкт как результат повторных неприятных переживаний» [46; 123, 125], так и более специфические определения: «негативная идентификация», которая описывается как «тенденция к многочисленным и многообразным переживаниям, включающим объект ненависти» и «феномен

заторможенного противоборства» [54; 5, 6, 21].

Ключевым моментом в последнем определении является указание связи указанной тенденции с предметом ненависти [54; 23], которому придается ведущая роль. В этом случае все, что характеризует действия и облик предмета ненависти, приобретает выраженную отрицательную валентность и вызывает отвращение. Берковиц предлагает нечто подобное, указывая также на то, что ненависть в наибольшей степени вызывается стимулами, связанными со взаимоотношениями между своей группой и нелюбимой чужой группой [13; 159].

В проведенных феноменологических описаниях в составе ненависти указываются такие эмоции, как гнев ([28], [55]), мщение [27], депрессия [22], «интенсивная враждебность и отвращение» [13]. В отличие от гнева, но подобно ревности, ненависть включает ощущения некомпетентности, слабости и дискомфорта [22]. Ненависть рассматривается также как готовность испытывать все эти эмоции [70]. При этом необходимо отметить, что все упомянутые выше эмоции сходны по своему предмету и неотделимы от его восприятия и понимания. Иногда ненависть понимают как совокупность разнородных явлений, включающих не только эмоции и тенденцию к враждебному действию, но и известное мировоззрение [47].

Обычно предмет ненависти воспринимается ненавидящим как социально превосходящий (асимметрия власти) субъект (индивидуальный или групповой), осуществляющий насилие над другими [28], [44]. Представление об асимметрии власти предполагает то, что ненавидящий не обладает эффективной защитой от предмета ненависти и от того унижения, физической боли или угрозы благополучию и ценностям, которые от него исходят.

Необходимо подчеркнуть, что для развития ненависти насилие и/или угроза, исходящие от ненавидимого, должны быть

длительными или повторяющимися. Единичное нападение вызывает лишь гнев или другую кратковременную эмоцию. Только повторные атаки или конфликты могут оказаться решающими в развитии ненависти к определенному человеку или к группе [10]. Терроризм не является исключением, ибо мы ненавидим лишь людей, которые угрожают другим постоянно [32].

Если попробовать дать некое взвешенное определение ненависти на основе всех известных нам работ в данной области авторами первой книги по психологии ненависти, то оно может будет выглядеть следующим образом: *ненависть — сложное негативное эмоциональное явление, включающее долговременный комплекс негативных установок, мотивов, эмоций и склонностей, направленный на предмет, которым может быть как человек или группа людей, так и любой неодушевленный объект, процесс или явление* (ландшафт, погода, город, животные, глобализация, высшие силы и т.п.). У ненависти всегда есть свой специфический предмет, однако иногда он может иметь смещенный или мифологизированный характер («Ось зла», «Враги Аллаха», «Агенты империализма», «Враги демократии» и т.п.).

Такое определение вполне соответствует прототипическому подходу к описанию ненависти как комплексного явления [29], но отличается от попыток ограничить природу ненависти какой-то одной психологической категорией, например, от попытки понимания ненависти как мотива [52]. Понятно, что психологов больше всего волнует ненависть к людям, ибо именно такая ненависть чревата наиболее трагическими последствиями, что мы и наблюдаем в современном мире.

НЕНАВИСТЬ, НАСИЛИЕ, АГРЕССИЯ, ГНЕВ И ВРАЖДЕБНОСТЬ

Большинство авторов работ, затрагивающих понятие ненависти, сходятся

в том, что все формы агрессии и насилия могут вызывать и развивать ненависть у обеих сторон конфликта, идет ли речь об инструментальной агрессии, о реакции на угрозу Я-концепции, об идеологических репрессиях, этнических чистках, о кровной вражде или о проявлениях садизма [10], [58]. Д. Бар-Тал считает, что жертвы насилия чаще испытывают ненависть, чем насильники, однако в длительных конфликтах обе стороны считают себя жертвами насилия [7]. Палестинцы ненавидят Америку, угрожающую мусульманским традициям и образу жизни. Все мировые телевизионные каналы показали массовое стихийно возникшее уличное празднование в Палестине террористических актов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. Еще больше, по известным причинам, они ненавидят евреев. Большинство евреев-израильтян также ненавидят палестинцев, уже в силу непрекращающегося терроризма, однако их враждебная агрессия направлена в основном на террористов и их пособников, а не на всех простых жителей [50].

В свою очередь, ненависть психоаналитики рассматривают как первичное условие агрессии [35], [36]. По-видимому, речь может идти лишь о так называемой враждебной агрессии, но не об инструментальной агрессии. Как известно, враждебная агрессия может быть вызвана не только ненавистью, но и завистью или ревностью ([20], [23]), как и угрозой Я-концепции или социальной идентичности [10], а также поиском острых ощущений или угрозой своему влиянию и контролю [43]. Однако, любые повторные акты агрессии могут вызывать ненависть у жертв этой агрессии.

Связи между эмоцией гнева и ненавистью также носят двусторонний характер. Гнев может являться как элементом агрессии и ненависти, так и одним из элементов порождения ненависти [13]. В то же время предмет ненависти провоцирует у ненавидящего более частые и сильные реакции

гнева [7]. Необходимость четко различать эти понятия связана с их вполне независимым взаимодействием. Многие межличностные или межгрупповые конфликты вызывают гнев, но не ведут к ненависти [56]. Например, семейные конфликты, как и проблемы интернализации/экстернализации, могут вызывать у детей многократные вспышки гнева, но очень редко вызывают ненависть [30]. С другой стороны, гнев может возникать более или менее автоматически при массовых столкновениях и насилии на основе эмоционального заражения [34]. Для возникновения гнева необходимо совершение (реальное или воображаемое) неприемлемого поступка со стороны того, на кого этот гнев направлен, в то время как ненависть может сохраняться и без такого рода проступков [31].

Еще более детально надо анализировать понятия гнева как индивидуальной черты [57] и индивидуальной склонности к агрессии ([33], [53], [69], [71], [73]), ибо понятия агрессии, враждебности и личностного гнева наиболее близко соприкасаются, а иногда и пересекаются с понятием ненависти. В частности, Б.М. Вилковски и М.Д. Робинсон предложили интегративную когнитивную модель личностного гнева и склонности к агрессии, которая включает как первичные процессы *враждебной интерпретации*, так и вторичные процессы произвольного контроля и *размышляющего внимания*. Согласно этой модели, *враждебная интерпретация* и *размышляющее внимание* усиливают личностный гнев и склонность к агрессии, в то время как произвольный контроль ослабляет их. В качестве первичного процесса *враждебная интерпретация* мобилизует произвольный контроль и *размышляющее внимание*, в то же время произвольный контроль может приводить к минимизации *враждебной интерпретации* с помощью переоценки и минимизации *размышляющего внимания*, осуществляемых через переключение на что-то другое [71]. Скорее всего, эти

процессы необходимо учитывать и при изучении ненависти.

Специфической версией процессов *враждебной интерпретации* можно считать понимание *враждебной зависти* и негодования, предложенное Н. Физером в *теории заслуженности* [25], [26]. В соответствии с ней, враждебная (черная) зависть, как и ненависть, предполагает убеждение в том, что предмет зависти или ненависти добился чего-то ценного для себя незаслуженно и несправедливо. Однако для развития ненависти такой атрибуции недостаточно — необходима также оценка известной вредности действий ненавидимого для себя и других людей.

В свою очередь враждебность может быть не только стилем негативного отношения к конкретным людям и группам, который может свидетельствовать как о ненависти, так и о зависти или ревности, но и устойчивой личностной чертой, характеризующей более общее отношение к людям без ненависти к какой-то конкретной группе.

НЕНАВИСТЬ И ПРЕДРАССУДКИ

Некоторые авторы сводят ненависть к предрассудкам, рассматривая предрассудки как обязательное условие ненависти: «...семена ненависти присутствуют даже в неявных современных формах предрассудков» [24; 213]. Хотя можно согласиться с тем, что социальные предрассудки предполагают явно негативное отношение к определенным социальным группам, а ненависть чаще всего сопровождается целым рядом предрассудков по отношению к объекту ненависти, это не означает тождественность данных явлений.

Дети легко впитывают предрассудки социального окружения, однако, как правило, это не ведет к развитию ненависти. В то же время есть основания рассматривать предрассудки и как первичный компонент ненависти [42], и как тип искаженных

социальных стереотипов, наиболее привлекательных для ненавидящего и легко усваиваемых им, ибо предрассудки значительно усиливают и в значительной мере оправдывают негативные установки ненавидящего по отношению к ненавидимому. Впоследствии появление когнитивных искажений в образе незнакомой группы сопровождается склонностью к слишком широким обобщениям — проступки или преступления отдельных членов ненавистной группы легко обобщаются и переносятся на всю враждебную группу [12]. Так, например, конкретные, весьма негативные ярлыки (этнофолизмы) для этнических латышей — «фашисты», а для приехавших в Латвию после Второй мировой войны русских — «оккупанты» представляют такие искажающие сверхобобщения.

Между предрассудками и ненавистью можно обнаружить и более глубокое сходство. Предметом ненависти, как и предрассудка, часто является группа. Члены ненавидимой группы воспринимаются ненавидящим более или менее ответственными за нанесение вреда ему или другим людям, особенно из числа представителей его группы. Такое приписывание ответственности за нанесенный вред приводит к недооценке, унижению или *моральному исключению* ненавидимой группы [18], [46]. *Моральное исключение* означает отсутствие необходимости распространять на этих людей моральные критерии уважения прав и свобод человека, гуманные принципы терпимости и т.п. К такому же результату могут приводить реальные или символические угрозы ценностям, нормам или благополучию, а также угрозы Я-концепции и социальной идентичности со стороны чужой группы [11], [27], [60].

Важно отметить фактор социальной идентичности в содержании предмета ненависти. В соответствии с теорией идентичности в межгрупповых отношениях [68], принадлежность к социальной группе автоматически приводит к предпочтению

членов своей группы, что, в свою очередь, гипотетически, препятствует выбору представителя своей группы даже в условиях внутренней конкуренции. Отдельные случаи превращения близких людей в ненавидимых будут рассмотрены ниже. «Свои» нам могут не нравиться, мы можем их высмеивать, обманывать, но не ненавидеть. Мы также не склонны к этому в том случае, если жертвами насилия «своих» становятся «чужие». Как показывают результаты исследований, люди гораздо меньше склонны испытывать моральное негодование или гнев, если жертва насилия или мучений относится к «чужим» [8]. Это сводит к минимуму вероятность того, что ненависть будет возникать по отношению к насильнику из своей группы, который мучает представителей другой группы.

Расистские предрассудки могут вполне сочетаться с идеями социального равенства и справедливости, проявляясь не столько в прямой агрессии, сколько в избегании или в отказе от поддержки представителей нелюбимой группы [24]. Это же характерно и для проявлений ненависти, которая зачастую приобретает форму избегания и косвенной агрессии. Например, искаженное изображение предмета ненависти в крайне неприглядном виде — сплетни.

Трудно даже представить себе ксенофобию или расизм у взрослых людей без чувства ненависти к другим этническим и расовым группам. Как считал Г. Олпорт [6], предрассудки являются столь неизменными, несмотря на обилие противоречивейшей им информации, именно из-за эмоциональной составляющей. Скорее всего, именно *ненависть образует эмоциональную основу большинства человеческих предубеждений и предрассудков*.

Ядро ксенофобии составляет ненависть к инородцам. Наши исследования показали наличие значимой положительной связи между показателями ненависти и этнической нетерпимости как в латышской, так и в русской выборке [16]. Есте-

ственным следствием этих антипатий является социальная дискриминация. Русскоязычные граждане на парламентских и муниципальных выборах в Латвии вычеркивают из списка своей партии все латышские фамилии, в то время как латышские избиратели предпочитают голосовать за «латышские» партии, хотя уже неоднократно разочаровывались в их деятельности. Большинство латышей не хотят предоставлять негражданам право участвовать в выборах даже местных органов власти, в то время как таким правом может пользоваться гражданин любой другой страны Евросоюза, приехавший на продолжительное время в Латвию.

НЕНАВИСТЬ И ЛЮБОВЬ

Вслед за Б. Спинозой многие современные исследователи, как правило, противопоставляют ненависть и любовь как две наиболее сильные страсти, оказывающие влияние на поведение человека в течение почти всей жизни [5], [6], [52], [54]. В частности, Дж.К. Ремпел и И.Т. Баррис попытались конкретизировать идею Спинозы о противоположной направленности и мотивационном значении этих чувств и сформулировали собственную *интегративную теорию любви и ненависти* [52]. Согласно этой теории, любовь является мотивом, основанным на придании особой ценности другому человеку и направленным на поддержание его благополучия, тогда как ненависть — мотивом, основанным на обесценивании другого человека и связанным с целью препятствовать его благополучию [52; 297]. В то же время, авторы теории отмечают, что «существует множество форм мотивов любви и ненависти с различными связанными с ними целей» [52; 301].

Такого рода интерпретация чувств понятна, ибо существует большое число исследований и наблюдений, указывающих на огромное влияние любви и ненависти

на человеческое поведение и его мотивы [9], [34], [38], [63], [67]. По сути, без исходной опоры на то или иное чувство мы не можем начать ни одного серьезного занятия, ибо вне чувства практически невозможно понять появление нового долгосрочного мотива [1]. Наша любознательность вовсе не безгранична — она направлена только на определенные сферы и явления. Обычно атрибуция личных интересов ограничивается лишь указанием наших пристрастий (нравится/не нравится), но любое длительное пристрастие свидетельствует и о наличии известного чувства.

Бытующее житейское представление о том, что от любви до ненависти — один шаг, выглядит психологически весьма сомнительным. Чаще всего под ним понимается замещение комплекса положительных проявлений комплексом негативных эмоций (гнев, раздражение, недовольство), конфликтами и агрессией по отношению к самым близким людям. У всех этих проявлений могут быть совершенно разные основания — ревность, кратковременные или долговременные обиды, разочарование, но о ненависти мы можем говорить лишь в последнюю очередь, да и то после целого ряда этапов охлаждения и дистанцирования близких отношений [39].

Понимание значения этих чувств долгое время не приводило к их регулярному изучению, уже в силу известной трудности их изучения. Если за понятием чувства стоит комплекс весьма разнообразных психических явлений — установок, эмоций, мотивов и т.п., то нетрудно прийти к заключению, что и изучать чувства можно лишь через эти разнообразные проявления, что, впрочем, не является чем-то новым для психологов [1], [67]. Однако в силу того, что любовь является не только первостепенным фактором семейных и партнерских отношений, но и одной из основных ценностей христианской культуры, прогресс в изучении любви за последние десятилетия понятен и оче-

виден [1], [65], [67]. Все возрастающее внимание к теме любви в современных психологических исследованиях резко контрастирует с почти полным избеганием изучения ненависти, несмотря на то, что ее социальные последствия, в отличие от любви, носят опасный и деструктивный характер [38], [58], [59].

Неразработанность темы ненависти, в отличие от любви, связана также с ее известной табуированностью в современной европейской культуре, подобно реально существующим запретам очевидных предрассудков по отношению к расовым, этническим, сексуальным и другим меньшинствам в странах Западной Европы и Северной Америки [51]. Чаще всего участники исследований просто отрицают наличие социально нежелательных чувств. Например, при проведении структурированных интервью в Латвии по теме «Русско-латышские межэтнические отношения и стереотипы», мы обнаружили выраженное отрицание как собственных негативных установок и чувств по отношению к другой группе, так и отрицание таких чувств у других представителей своей группы, что особенно было характерно для латышской выборки [16]. Провоцирование и сохранение такого рода ненависти и предрассудков в обществе приписывается подавляющим числом респондентов лишь политикам и средствам массовой информации.

До недавнего времени можно было указать лишь единственную работу Т. Пэриша, претендовавшую на эмпирическое изучение ненависти и любви [49]. Однако претензия эта была не слишком обоснованная, ибо в данной работе участникам предлагалось оценить только супружеские взаимоотношения их родителей, используя набор 45 положительных и 45 отрицательных наречий (гневно, заботливо, доверительно, ужасно и т.п.). Скорее всего, в этом исследовании речь идет лишь о весьма косвенной диагностике супружеских отно-

шений, где специфический «вклад» любви или ненависти остается неизвестным.

Очевидно, что тематика ненависти в значительной степени была «закрыта» исследованиями гнева, враждебности и агрессии [13], а также исследованиями предрассудков и социальной дискриминации [24]. Подобное замещение до 1980-х гг. происходило и в отношении изучения любви, которое заменялось изучением супружеских и интимных отношений [2], [14], [21], [37]. Еще в конце 1980-х гг. многие психологи разделяли мнение Б.И. Мурстейна о том, что концепция любви напоминает бывшую Австро-Венгерскую империю, состоящую из плохо совместимых частей [45]. В современной психологии представления о доступности любви научному изучению стали гораздо более оптимистичными [67]. По-видимому, пришло время отказаться от традиции умолчания и в отношении ненависти.

ОТ ТРЕХМЕРНОЙ К ДВУХФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ НЕНАВИСТИ

Первой теоретической моделью психологического понимания ненависти стала модель Р. Стернберга, который попытался понять ненависть не как противоположность любви, но в рамках двойственной теории чувства. В его теории любовь рассматривается: а) как структура чувства – в виде трехмерной схемы базовых компонентов; б) как процесс – в виде сюжетного рассказа или творимой каждым любящим человеком истории своих отношений [61], [64]. Согласно трехмерной модели структуры, ненависть включает три основных компонента: 1) отрицание интимности; 2) страсть, 3) обязательства (см. рис. 1). Отрицание интимности включает стремление к увеличению дистанции и чувства антипатии и отвращения к предмету ненависти, страсть включает гнев и страх по отношению к нему как реакцию на угрозу; обязательства включают ухудшение восприятия

Рис. 1. Трехмерная структурная модель ненависти по Р. Стернбергу [64]

Рис. 2. Двухфакторная структурная модель ненависти [17]

и девальвацию ненавидимой группы или другого предмета ненависти на основе презрения [64].

На основе трехмерной структурной модели ненависти Р. Стернберга [61] и второй версии его опросника любви [62] был разработан опросник ненависти ТОН*, с 9-балльной шкалой оценки [1]. В результате четырех этапов сбора данных в России и Латвии и компонентного факторного анализа опросник был последовательно сокращен до 18 утверждений, причем фактор страсти распался таким образом, что утверждения, выражающие страх и близкие к нему переживания, оказались наиболее тесно связанными с первым фактором, в то время как утверждения, связанные с гневом, оказались в третьем факторе. В итоге, по нашим данным, ненависть, по-видимому, включает лишь два базовых фактора, первый из которых можно назвать *пассивная ненависть*, а второй — *активная ненависть* [17]. Первый из них характеризуется страхом, дистанцированием и избеганием контактов с предметом ненависти, тогда как второй характеризуется осуждением, гневом и желанием наказать объект ненависти (см. рис. 2). Чаще всего в качестве

предмета ненависти оказывался не отдельный человек, а группа, что является известным подтверждением интергрупповой природы ненависти.

В то же время полученные данные показывают значительную вариативность проявлений ненависти, что не отрицает данной структуры явления ненависти, даже несмотря на то, что исследования находятся лишь на начальной стадии. Например, гнев и страх в межгрупповых отношениях выглядят весьма по-разному в поведении людей, хотя это не исключает проявлений одного и того же чувства в разных ситуациях [41].

При этом мы должны учитывать существенные различия в предмете любви и ненависти. Если предмет любви, как правило, предельно персонифицирован и индивидуализирован, то предмет ненависти имеет более диффузный и групповой характер (жулики, политики, террористы, «неверные» и т.п.). Любовь первично возникает и развивается в рамках вполне конкретных межличностных отношений и ограничена личной идентичностью партнеров, в то время как ненависть, подобно предрассудкам, первично произрастает в рамках межгрупповых отношений и задается не столько личной, сколько социальной идентичностью как ненавидящего, так и ненавидимого. Это вовсе не исключает направленности ненависти на конкретного человека, что, однако, является скорее исключением, чем правилом.

* Состоящий из 45 пунктов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный теоретический анализ показывает, что многочисленные исследования агрессии, насилия, гнева, враждебности и предрассудков не позволяют понять природу ненависти и заменить ее исследование. Между тем представляется, что ненависть, будучи одним из наиболее сильных человеческих чувств, является важнейшим механизмом деструктивного поведения. Изучение этого чувства позволит по-новому увидеть многочисленные связи между уже изученными переменными, понять связи между «хорошими» намерениями и ценностями и «плохим» поведением и найти более ясное объяснение таким явлениям, как *преступления на почве ненависти, эскапизм и домашнее насилие*.

Полученные эмпирические результаты показывают, что ненависть не может рассматриваться как структурная аналогия любви в рамках трехкомпонентной модели [64]. Одной из основных причин такого структурного несовпадения этих двух чувств может быть различие между предметами чувств и контекстом социальных взаимоотношений, в котором они появляются и развиваются.

Согласно полученным данным, ненависть образуют два основных фактора: *пассивная ненависть*, включающая страх, дистанцирование и избегание; а также *активная ненависть*, включающая осуждение, гнев и желание наказать ненавидимого.

1. Бреслав Г.М. Психология эмоций. М.: Смысл; Академия, 2004.
2. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во МГУ, 1987.
3. Ениколопов С.Н., Мешкова Н.В. Предубежденность в контексте свойств личности // Психол. журн. 2010. Т. 31. № 4. С. 35–46.
4. Спиноза Б. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. М: Политиздат, 1957.
5. Alford C.F. Hate is the imitation of love // R.J. Sternberg (ed.). The psychology of hate. Washington, DC: APA, 2005. P. 235–254.
6. Allport G.W. The nature of prejudice. Garden City, NY: Doubleday Anchor Books, 1958.
7. Bar-Tal D. Collective memory of physical violence: Its contributions to the culture of violence // G. Salomon, B. Nevo (eds). Peace education: The concept, principles and practice around the world. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2002, P. 27–36.
8. Batson C.D., Chao M.C., Givens J.M. Pursuing moral outrage: Anger at torture // J. of Exp. Soc. Psychol. 2009. V. 45 (1). P. 155–160.
9. Baumeister R.F. Evil: Inside human violence and cruelty. N.Y.: Freeman, 1997.
10. Baumeister R.F., Butz D.A. Roots of hate, violence, and evil // Sternberg R.J. (ed.). The psychology of hate. Washington, DC: APA, 2005. P. 87–102.
11. Baumeister R.F., Smart L., Boden J.M. Relation of threatened egotism to violence and aggression: The dark side of high self-esteem // Psychol. Rev. 1996. V. 103. P. 5–33.
12. Beck A.T., Pretzer J. A cognitive perspective on hate and violence // Sternberg R.J. (ed.). The psychology of hate. Washington, DC: APA, 2005. P. 67–85.
13. Berkowitz L. On hate and its determinants: some affective and cognitive influences // Sternberg R.J. (ed.). The psychology of hate. Washington, DC: APA, 2005. P. 155–183.
14. Berscheid E., Walster E. Interpersonal attraction 2nd ed. Reading, MA: Addison-Wesley, 1977.
15. Blum H.P. Clinical and developmental dimensions of hate // J. of the American Psychoanalytic Association, 1997. V. 45. P. 359–375.
16. Breslavs G. et al. Vai mēs esam iecietīgi? Sabiedrības etniskās iecietības monitoringa metodikas izveide / G. Breslavs, U. Abele, L. Derjaba, I. Pišinska, J. Roze. Rīga: Salus, 2008.
17. Breslavs G., Tyumeneva J. Toward operationalization of the hate concept: Is hate an opposite to love? // The paper presented at the 14th European conference on Personality, Tartu, July 16–20, 2008.
18. Burriss Ch.T., Rempel J.K. «You're worthless»: The role of devaluation in the experience of hate // Poster presented on the SPSP conference. 2006.
19. Burriss Ch.T., Rempel J.K. Value subtracted: A conceptual approach to devaluation and hate // The paper presented at the 14th European conference on Personality, Tartu, July 16–20, 2008.
20. Buss D.M., Shackelford T.K. From vigilance to violence: Mate retention tactics in married couples // J. of Pers. and Soc. Psychol. 1997. V. 72. P. 346–361.
21. Byrne D. The attraction paradigm. N.Y.: Academic Press, 1971.
22. Davitz J. The language of emotion. San Diego, CA: Academic Press, 1969.
23. De Weerth C., Kalma A.P. Female aggression as a response to sexual jealousy: A sex role reversal? // Aggressive Behavior. 1993. V. 19. P. 265–279.

24. Dovidio J.F., Gaertner S.L., Pearson A.R. On the nature of prejudice: The psychological foundation of hate // Sternberg R.J. (ed.). *The psychology of hate*. Washington, DC: APA, 2005. P. 211–234.
25. Feather N.T. Values, deservingness, and attitudes towards high achievers: Research on tall poppies // *The psychology of values: The Ontario symposium*/ Seligman C., Olson J.M., Zanna M.P. (eds). V. 8. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996. P. 215–251.
26. Feather N.T., Nairn K. Resentment, envy, schadenfreude, and sympathy: Effects of own and other's deserved or undeserved status // *Australian J. of Psychol.* 2005. V. 57 (2). P. 87–102.
27. Fein S., Spencer S.J. Prejudice as self-image maintenance: Affirming the self through derogating others // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 1997. V. 73. P. 31–44.
28. Fitness J. Anger in the workplace: An emotion script approach to anger episodes between workers and their superiors, co-workers and subordinates // *J. of Organizational Psychol.* 2000. V. 21. P. 147–162.
29. Fitness J., Fletcher G.J.O. Love, hate, anger, and jealousy in close relationships: A prototype and cognitive appraisal analysis // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 1993. V. 65. P. 942–958.
30. Formoso D., Gonzales N.A. Family conflict and children's internalizing and externalizing behavior: Protective factors // *American J. Community Psychol.* 2000. V. 28 (2). P. 175–190.
31. Gaylin W. *Hatred: The psychological descent into violence*. N.Y.: Public Affairs, 2003.
32. Greenberg J. et al. Evidence for terror management theory: II. The effects of mortality salience on reactions to those who threaten or bolster the cultural world view / J. Greenberg, T. Pyszczynsky, S. Solomon, A. Rosenblatt, M. Veedeed, S. Kirkland // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 1990. V. 58. P. 308–18.
33. Griskevicius V. et al. Aggress to impress: Hostility as an evolved context-dependent strategy / V. Griskevicius, J.M. Tybur, S.W. Gangestad, E.F. Perea, J.R. Shapiro, T.K. Douglas // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 2009. V. 96(5). P. 980–994.
34. Hatfield E., Rapson R.L. Emotional contagion: Religious and ethnic hatreds and global terrorism // L.Z. Tiedens, C.W. Leach (eds). *The social life of emotions*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2004. P. 129–143.
35. Kernberg O. Hatred as a core affect of aggression // S. Akhtar, S. Kramer, H. Parens (eds). *The birth of hatred: Developmental, clinical, and technical aspects of intense aggression*. Northvale, NJ: Jason Aronson, 1995. P. 55–82.
36. Kernberg O. Hatred as pleasure // R.A. Glick, S. Bone (eds). *Pleasure beyond the pleasure principle: The role of affect in motivation, development, and adaptation* V. 1. New Haven, CT: Yale Univ. Press. 1990. P. 177–188
37. Kiesler S.B., Baral R.L. The search of romantic partner: The effects of self-esteem and physical attractiveness on romantic behaviour // K.J. Gergen, D. Marlowe (eds). *Pers. and soc. behaviour*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1970. P. 155–165.
38. Kleg M. *Hate, prejudice, and racism*. Albany, NY: State Univ. of New York Press, 1993.
39. Knapp M.L., Vangelisti A. *Interpersonal communication and human relationships*. 2nd ed. Boston: Allyn & Bacon, 1992.
40. Lawrence F.M. *Punishing hate: Bias crimes under American law*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1999.
41. Mackie D.M., Devos Th., Smith E.R. Intergroup emotions: Explaining offensive action tendencies in an intergroup context // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 2000. V. 79(4). P. 602–616.
42. Mane N. Children and hate: Hostility caused by racial prejudice // V.P. Varma (ed.). *How and why children hate*. L.: Jessica Kingsley Publishers, 1993. P. 113–123.
43. McDevitt J., Levin J., Bennett S. Hate crime offenders: An expanded typology // *J. of Soc. Iss.* 2002. V. 58. P. 303–317.
44. McKellar P. Provocation to anger and development of attitudes of hostility // *Brit. J. Psychol.* 1950. V. 40. P. 104–114.
45. Murstein B.I. A taxonomy of love / R. Sternberg, M. Barnes (eds). *The psychology of love*. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1988. P. 13–37.
46. Opatow S. Hate, conflict, and moral exclusion / R.J. Sternberg (ed.). *The psychology of hate*. Washington, DC: APA, 2005. P. 121–153.
47. Opatow S., McClelland S. The intensification of hating: A theory // *Soc. Justice Research*. 2007. V. 20 (1). P. 68–97.
48. Parens H. A view of the development of hostility in early life // T. Shapiro, R.N. Emde (eds). *Affect: Psychoanalytic perspectives*. Madison, CT: Intern. Univ. Press, 1992. P. 75–108.
49. Parish T.S. The love/hate checklist: A preliminary report // *Psychol. Reports*. 1988. V. 63. P. 67–70.
50. Pedahzur A., Yishai Y. Hatred by hated people: Xenophobia in Israel // *Studies in Conflict and Terrorism*. 1999. V. 22. P. 101–117.
51. Pettigrew T.F., Meertens R.W. Subtle and blatant prejudice in Western Europe // *Europ. J. Soc. Psychol.* 1995. V. 25. P. 57–75.
52. Rempel J.K., Burris Ch.T. Let me count the ways: An integrative theory of love and hate // *Personal Relationships*, 2005. V. 12 (2). P. 297–313.
53. Robinson M.D., Wilkowski B.M. Personality processes in anger and reactive aggression: An introduction // *J. of Person.* 2010. V. 78 (1). P. 1–8.
54. Royzman E.B., McCauley C., Rozin P. From Plato to Putnam: four ways to think about hate

- // Sternberg R.J. (ed.). The psychology of hate. Washington, DC: APA, 2005. P. 3–35.
55. *Russell J. A., Fehr B.* Fuzzy concepts in a fuzzy hierarchy: Varieties of anger // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 1994. V. 67. P. 186–205.
 56. *Shaver P.R.* et al. Emotional knowledge: Further exploration of a prototype approach / *P.R. Shaver, J.C. Schwartz, D. Kirson, C. O'Connor* // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 1987. V. 52. P. 1061–1086.
 57. *Spielberger C.D.* State-trait anger expression inventory-2. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1999.
 58. *Staub E.* The origins and evolution of hate, with notes on prevention // R.J. Sternberg (ed.). The psychology of hate. Washington, DC: APA, 2005. P. 51–66.
 59. *Staub E., Bar-Tal D.* Genocide, mass killing, and intractable conflict: Roots, evolution, prevention and reconciliation // D. Sears, L. Huddy, E. Jarvis (eds.). *Oxford handbook of political psychology.* N.Y.: Oxford Univ. Press, 2003. P. 710–751.
 60. *Stephan W.G., Stephan C.* Predicting prejudice // *Intern. J. of Intercultural Relations.* 1996. V. 20. P. 1–12.
 61. *Sternberg R.J.* A duplex theory of hate: Development and application to terrorism, massacres, and genocide // *Review of General Psychol.* 2003. V. 7. P. 299–328.
 62. *Sternberg R.J.* Construct validation of a triangular love scale // *Europ. J. of Soc. Psychol.* 1997. V. 27 (3). P. 313–335.
 63. *Sternberg R.J.* (ed.). The psychology of hate. Washington, DC: APA, 2005.
 64. *Sternberg R.J.* Understanding and combating hate / R.J. Sternberg (ed.). The psychology of hate. Washington, DC: APA, 2005. P. 37–49.
 65. *Sternberg R., Barnes M.* (eds). The psychology of love. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1988.
 66. *Sternberg R.J., Sternberg K.* The nature of hate. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2008.
 67. *Sternberg R.J., Weis K.* (eds). The new psychology of love. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2006.
 68. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior / S. Worchel, W.G. Austin (eds). *Psychology of intergroup relations.* Chicago, IL: Nelson-Hall Publishers, 1986. P. 7–24.
 69. *Tremblay P.F., Dozois D.J.A.* Another perspective on trait aggressiveness: Overlap with early maladaptive schemas // *Personality & Individual Differences.* 2009. V. 46 (5/6). P. 569–574.
 70. *Wellek A.* Emotional polarity in personality structure / M. Arnold (ed.). *Feelings and emotions.* N.Y.: Academic Press, 1970. P. 281–289.
 71. *Wilkowski B.M., Robinson M.D.* The anatomy of anger: An integrative cognitive model of trait anger and reactive aggression // *J. of Pers.* 2010. V. 78(1). P. 9–38.
 72. *Winnicott D.W.* Hate in the counter-transference // *Intern. J. of Psycho-Analysis.* 1949. V. 30. P. 69–75.
 73. *Zillmann D., Weaver J.B.* Aggressive personality traits in the effects of violent imagery on unprovoked impulsive aggression // *J. Research in Pers.* 2007. V. 41 (4). P. 753–771.

Поступила в редакцию 10.I. 2011 г.